

© 1996 г. В.С. ХРАКОВСКИЙ

ИСЧИСЛЯЮЩИЕ КЛАССИФИКАЦИИ В ТИПОЛОГИИ*

Различные научные направления, проходящие по ведомству типологии — теоретической дисциплины, изучающей наиболее общии закономерности, которые не детерминируются ни генетическими, ни ареальными особенностями языков, естественным образом отличаются друг от друга и по объекту исследования, и по методам исследования, и по ближайшим конкретным результатам, и по перспективным целевым установкам.

Свои особенности с этой точки зрения присущи и так называемой ленинградской или петербургской типологической школе. Именно они, точнее некоторые из них, и будут главным образом анализироваться в настоящей работе. Наверно, с самого начала не лишне будет напомнить читателям, что А.А. Холодович, создавая в 1961 г. типологическую группу и формируя ее научную программу, опирался в то время на щербовское понимание грамматики, согласно которому *"вся грамматика в целом фактически со всеми её разделами мыслится... не как учение о формах, а как сложная система соответствий между смыслами, составляющими содержание речи, и внешними формами выражения этих смыслов, их (смыслов) формальными показателями"* [Зиндер, Маслов 1982 : 69]. Из такого определения грамматики, в котором ключевую позицию занимает понятие соответствия, вытекают два важных следствия, кажащиеся в наши дни вполне тривиальными.

Следствие первое. Указанное соответствие между смыслами и формами предопределяет возможность двух типов грамматических описаний. Одни описания имеют на "входе" смыслы, а на "выходе" — формы. Эти описания моделируют речевую деятельность говорящего, который в своей речевой продукции кодирует определенное смысловое содержание, выбирая для него наиболее подходящие в данном конкретном случае средства его выражения. Такие описания принято называть *функциональными*. Другие описания имеют на "входе" формы, а на "выходе" — смыслы. Их принято называть *формальными*. Они моделируют речевую деятельность слушающего, который слышит речь, воспринимаемую как акустический объект, и декодирует услышанное. Отметим, что типологически ориентированные исследования в большей мере являются функциональными [Храковский 1985].

Следствие второе. Наличие соответствия между смыслами и формами предопределяет возможность относительно независимого описания смыслов. В целях исследования можно разорвать ту пуповину, которой смыслы намертво связаны с выражающими их формами, и которая, как известно, сама разрывается у больных с различными формами афазии [Лурья 1947].

Разделяя щербовское понимание грамматики, А.А. Холодович был к тому же вслед за А.А. Дмитриевским и Л. Теньером последовательным вербоцентристом, опиравшимся на гипотезу о доминирующей роли глагола и его категорий в структуре

* Работа выполнена при финансовой поддержке Международного научного фонда: грант № ZZ 4000/017. Предварительные результаты работы изложены в одноименном докладе, прочитанном на международной конференции "Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы" (Подробно о ней см.: [ВЯ. 1996. № 2]).

предложения [Холодович 1979]. Если учитывать оба названных обстоятельства, а именно, понимание А.А. Холодовичем грамматики как соответствия между смыслами и формами и его представление о ведущей роли глагола и его категорий в структуре предложения, то из них естественно вытекает научная программа, которая заключается в типологическом исследовании содержательных грамматических категорий глагола, связанных с синтаксисом предложения.

Выбор в качестве объекта исследования глагола, глагольных категорий и соответственно глагольных конструкций, связанных трансформационными и деривационными отношениями по существу и определил круг вопросов, на которые следовало получить ответы в процессе конкретных исследований. Вот их примерный перечень. Какие типы категориальных значений реализуются в синтаксических оппозициях глагольных конструкций? Можно ли составить своего рода каталог таких значений? Будет ли этот каталог включать только универсальные значения или также значения, специфичные для языков разного строя или, может быть, разной генетической принадлежности? Можно ли выявить закономерности формальной организации конструкций, выражающих определенное грамматическое значение, и установить типологию формальных средств, используемых для его выражения? Эти вопросы по существу составили анкету, в соответствии с которой в группе типологических исследований (ныне в лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН) были проанализированы каузатив, залог (актив/пассив), рефлексив и реципрок, результатив, глагольная множественность (мультикатив/дистрибутив/итератив), императив, а также значения непредикатных глаголов (отрицательные, аспектуальные, темпоральные, пассивные, бенефактивные, модальные, таксисные, каузативные), которые функционально сближаются с содержательными грамматическими категориями знаменательных глаголов. К этому перечню можно добавить условные конструкции, работа над типологическим описанием которых в настоящее время завершается в лаборатории.

Конкретные результаты тридцатилетней научной деятельности лаборатории отражены в целом ряде коллективных и индивидуальных монографий, а также в большом количестве статей, опубликованных в различных научных изданиях. Все основные публикации лаборатории были отрецензированы в различных лингвистических изданиях как в России, так и за рубежом (подробнее об этом см. [Храковский, Оглоблин 1991; Khrakovsky, Ogloblin 1993; Nedjalkov, Litvinov 1995]).

Хочу обратить особое внимание на то, что конкретные результаты проводившихся исследований, на которых я сейчас не могу подробно останавливаться, должны быть соотнесены с перспективными целевыми установками, с той сверхзадачей, во имя решения которой проводятся конкретные исследования. По гипотезе А.А. Холодовича содержательные грамматические категории глагола, если абстрагироваться от выражающих их форм, представляют собой семантические признаки, состоящие из ряда однородных значений. Такие семантические признаки, как любил говорить А.А. Холодович, образуют библиотеку универсальных смыслов, создание которой и составляет сверхзадачу исследования. Вместе с тем с его точки зрения также было важно учитывать все возможные формальные средства, используемые для выражения определенного смысла, а также все морфолого-синтаксические средства, маркирующие переход от семантически исходной конструкции к семантически производной.

Таким образом, можно говорить о двух составляющих тех работ, которые осуществляются в нашей лаборатории. Одна составляющая — универсальная. Ее ведению подлежат семантические признаки и их значения. Другая составляющая — типологическая. Ее ведению подлежат все те средства, посредством которых как в различных языках, так и в одном и том же языке маркируются значения исследуемых семантических признаков.

Остановившись вкратце на проблематике практически всех проводившихся конкретных исследований, а также на той сверхзадаче, во имя которой осуществляются эти конкретные исследования, уделим основное внимание объектам нашего исследования и методам их исследования. Здесь мы опираемся на тезис Э. Бенвениста, ут-

верждавшего, "что в целом реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого её определяют" [Бенвенист 1965 : 434]. Иными словами, наше видение объекта возникает сквозь призму действия некоторой системы гипотез об устройстве и функционировании изучаемого объекта. Фактически мы видим то, что знаем, т.е. руководствуемся определенной теорией и предлагаемым ею методом исследования конкретного объекта, которые и отвечают за то, каким исследователем будет изучаемый объект [Храковский 1994а]. За исследователем, разумеется, остается право выбора теории, но если выбор сделан, то уже теория диктует правила игры. Теория может быть эксплицитно изложена, но может оставаться имплицитной, она может быть внутренне непротиворечивой, но может быть и эклектичной, она может быть формализованной в той или иной степени, а может быть и неформализованной, наконец, она может отчетливо осознаваться, но может оставаться в какой-то мере и неосознанной, но она должна быть. Весь вопрос в том, какая теория наиболее приемлема для типологически ориентированного описания грамматических категорий глагола.

Не обсуждая подробно этот исключительно важный вопрос, замечу лишь, что такая теория должна быть универсальной, т.е. включающей в сферу своего действия любой конкретный язык, хотя, разумеется, каждое отдельное типологически ориентированное исследование учитывает данные заведомо ограниченной эмпирической выборки. Из сказанного вытекают следующие принципиально важные выводы. Любые теоретические положения, выдвигаемые в типологической работе, остаются эмпирически не проверяемыми, т.е. не могут быть верифицированы, поскольку мы до сих пор даже не знаем, сколько живых языков имеется в настоящее время в мире, не говоря уже об исчезнувших языках и о тех языках, которые могут возникнуть в будущем. К тому же мы, откровенно говоря, плохо представляем себе, какую выборку языков можно считать необходимой и достаточной для того, чтобы сделанные утверждения обладали хотя бы минимальной объяснительной силой. Возможно, прав Дж. Гринберг, опиравшийся на выборку, включающую 30 языков, подбиравшихся по следующим основаниям: 1) знание языков, 2) наличие достаточно надежных грамматических описаний других языков, 3) достаточно широкий генетический и пространственный охват языков. Дж. Гринберг полагал, "что любое утверждение, верное для этих 30-ти языков, может с большой степенью вероятности рассматриваться как универсалия или неполная универсалия" [Гринберг 1970 : 116]. О справедливости суждений Дж. Гринберга говорит хотя бы тот факт, что ему удалось получить важные, типологически релевантные результаты. Вместе с тем я хотел бы заметить, что для меня решающим все же является не количество и генетическая и ареальная принадлежность языков, представленных в выборке, а метод исследования, с помощью которого анализируются и обрабатываются данные языков, попавших в выборку. Разумеется, если в выборке будут представлены языки, отличающиеся друг от друга генетически, типологически и ареально, это очень хорошо. Но самое важное заключается в том, чтобы интересующий исследователя лингвистический объект, представленный в этих языках, был исчерпывающим образом описан в рамках концепции, на которую исследователь опирается в своей работе. Дело в том, что хорошие и подробные описания различных языков, выполненные в рамках других концепций, могут либо вообще не отвечать на вопросы, интересующие типолога, либо давать ответы, не адекватные с позиций его теории. Приведу несколько примеров, поясняющих о чем идет речь.

Пример первый. Современная русистика богата очень содержательными работами, посвященными анализу и описанию условных конструкций с различных точек зрения. Однако, если я не ошибаюсь, в этих работах вообще не ставится вопрос о количестве семантически релевантных моделей условных конструкций, представленных в русском языке. Обычно речь идет о том, что в русском языке различаются либо три типа условных предложений [1) реальные, 2) нереальные, 3) потенциальные], либо два (нереальные и потенциальные) — терминология может быть и другой, — в то время, как мы увидим ниже, таких моделей более двух десятков.

Пример второй. В "Русской грамматике" при описании повелительного наклонения говорится о наличии в русском языке так называемых форм совместного действия, т.е. форм мн. числа, у которых "обозначаемое ими побуждение всегда относится к двум или более лицам: к собеседнику (либо собеседникам, группе лиц, включающих собеседника) и к самому говорящему" [РГ-80, I : 622].

Иначе говоря, речь идет об императивных формах 1 л. мн. числа. Однако такая, довольно широко распространенная трактовка является неадекватной с позиций нашей теории. Достаточно сравнить такие соотносительные пары аналитических форм совместного действия, как *давай молчать* и *давайте молчать*, *давай помолчим* и *давайте помолчим*, для того чтобы прийти к очевидному решению: среди форм совместного действия есть как формы 1 л. мн. числа (*давай молчать*, *давайте помолчим*), так и формы 1 л. дв. числа (*давай молчать*, *давай помолчим*) [Бирюлин, Храковский 1991].

Пример третий. В соответствии со стандартной синтаксической теорией обязательными участниками ситуации, называемой глаголом, являются актанты, а необязательными участниками — сирконстанты. При таком подходе актанты по своему статусу принципиально отличаются от сирконстантов: актанты определяют лексикографическую характеристику глагола, сирконстанты не определяют; количество и роли актантов при каждом глаголе фиксированы, количество и роли сирконстантов не фиксированы, их даже вообще может не быть. С позиций нашей теории такое распространенное представление нуждается в коррекции, суть которой сводится к тому, что стандартные сирконстанты в ряде случаев в той или иной степени обладают по крайней мере синтаксическими свойствами актантов. В частности, в русском языке в превентивных императивных конструкциях с формой глагола СВ, обозначающего контролируемое действие, обязателен сирконстант, нейтрализующий значение контролируемости [Бирюлин, Храковский 1992], ср.: *Ты случайно брату не позвони*. Изъятие сирконстанта делает эту конструкцию неграмматичной, ср.: **Ты брату не позвони* (подробнее см. об этом [Плунгян, Рахилина 1990]).

Эти примеры наглядно показывают, что любые конкретные данные даже из самых лучших грамматических описаний типолог (если он не знает данного конкретного языка) всегда заимствует через призму концепции, в рамках которой описывается интересующий его материал, а сама концепция может быть недостаточно адекватной с позиций его собственных теоретических представлений, но он об этом часто и не задумывается.

Из сказанного следует простой вывод: полностью можно доверять только описанию материала, сделанному с позиций собственной концепции. В каждом конкретном исследовании, проводимом в нашей лаборатории, таких языков набирается в среднем чуть меньше или чуть больше 20-ти, и это количество нам представляется достаточным, поскольку, как мы уже говорили выше, решающим является не количество языков в выборке, а метод исследования.

Тщательный анализ материала этих 20-ти языков, выполненный специалистами-профессионалами позволяет построить универсальное смысловое определение исследуемой категории, которое не зависит от формальных особенностей конкретных языков. Уже в процессе этой работы порой приходится отказываться от некоторых привычных представлений, господствующих в практике описания отдельных категорий. Например, при описании категории залога в тюркских и некоторых других языках каузатив рассматривается как одна из залоговых форм. Однако в предложенной нами трактовке залога каузатив был выведен за рамки этой категории и рассматривался отдельно как самостоятельная категория.

Любое семантическое определение такого сложного объекта, каким является грамматическая категория, предполагает и допускает его структурирование. Структурирование категорий производится с помощью исчисляющих классификаций или просто исчислений. Особенность исчислений состоит в том, что их базу составляют диагностические семантические признаки, комбинаторика значений которых исчерпывает все

теоретические реализации изучаемой категории. Исчисления моделируют потенциальные способности языковой системы, тогда как в конкретных языках обычно реализуется лишь часть логических возможностей, предусмотренных исчислением. Иными словами, исчисления объясняют и наблюдаемые факты, и факты, которых в данном языке или вообще в языках нет, но в принципе могли бы быть. Исчисления важны как для типологического, так и для конкретно-языкового описания категорий, поскольку некоторые логические возможности, предусмотренные исчислением, могут не обнаруживаться в формальных парадигматических системах конкретного языка и потому не учитываться в традиционном описании.

В связи со сказанным уместно напомнить, что лингвистической типологии присущи две очень важных особенности. Одну из них мы знаем достаточно хорошо. Она заключается в том, что типология позволяет видеть и воспринимать мир не только сквозь призму своего родного языка или языка своей специальности. Типолог пользуется данными очень многих и разных языков и поэтому он знает, какие разнообразные (и в то же время ограниченные!) средства имеются в языках для выражения различных конкретных значений. Для описания этого (ограниченного!) разнообразия с единых позиций типологу приходится строить довольно мощную теорию, обладающую достаточной объяснительной силой. Такова первая и относительно хорошо знакомая особенность типологии. Менее известна в особенности лингвистам-нетипологам ее вторая особенность. Дело в том, что типологическая теория позволяет беспристрастно смотреть на любой конкретный язык (будь то родной язык, язык своей специальности или какой-нибудь просто знакомый язык) и замечать в нем такие черты, такие особенности, которые не привлекали внимания в рамках традиционных представлений. Забегая несколько вперед, проиллюстрирую этот тезис всего двумя примерами. Насколько я знаю, в многочисленных описаниях условных конструкций русского языка специально не рассматриваются на первый взгляд вполне стандартные примеры типа: *Если вы завтра к нам придете, я к вашему приходу испеку ваше любимое миндальное пирожное, Если ты будешь заниматься, выключи телевизор.*

Однако эти примеры требуют специального анализа. Дело в том, что в этих примерах следствие реализуется как будто бы раньше условия, что противоречит стандартным представлениям о таксисе условия и следствия. На самом деле эти примеры соответствуют стандартной теории, но только при их специфическом прочтении. Так, первый пример имеет следующее прочтение: *'Если я буду знать, что вы завтра к нам придете, я к вашему приходу испеку ваше любимое миндальное пирожное'*. Особое прочтение характерно и для второго примера: *'Если ты **намереваешься** заниматься, выключи телевизор'*.

Вопрос вопросов, который встает перед типологом, строящим исчисляющую классификацию, заключается в выделении тех общих диагностических семантических признаков, которые составляют базу исчисления. Какой-либо теории выделения диагностических признаков нет. У нас даже нет до сих пор принципиального понимания того, какие семантические объекты допускают исчисляющие классификации, а какие нет. Здесь пока все решает интуиция исследователя, учитывающая все факты употребления описываемой категории в анализированных конкретных языках. Опорой для интуиции служит восходящее к А. Вежбицкой [Wierzbicka 1981] представление о том, что наиболее существенные семантические признаки так или иначе проявляют себя в морфологических и синтаксических особенностях слов и конструкций, которым присущи эти признаки. Иными словами, если мы хотим обнаружить наиболее важные семантические признаки, которые должны составить базу исчисляющей классификации, мы должны обращать пристальное внимание на грамматические особенности, по-разному проявляющиеся в различных употреблениях интересующих нас слов и конструкций. Сказанное можно дополнить одним общим соображением, которое, по всей видимости, является верным: диагностических признаков должно быть немного. Это необходимо для того, чтобы искомая исчисляющая классификация была бы обозримой и удобной для работы. Громоздкими классификациями трудно пользоваться и поэтому их не

нужно строить. Их не нужно строить еще и потому, что в соответствии со сформулированным А.Е. Кибриком постулатом о ПРОСТОТЕ "язык устроен просто" [Кибрик 1992 : 25] и соответственно факты, подлежащие описанию, не следует описывать сложнее того, чем они устроены "на самом деле".

Исчисляющие классификации применяются по отношению к семантическим признакам, обладающим различной внутренней структурой. Соответственно исчисляющие классификации различных семантических признаков весьма отличаются друг от друга. Для иллюстрации этого положения обратимся к анализу двух исчислений. Первое из них — это исчисление императивных форм. Основу этого исчисления составляет следующее определение повелительных предложений: «Повелительными можно называть положительные/отрицательные предложения, в которых выражается идея прямой речевой каузации, интерпретируемая следующим образом: '(не) желая исполнения действия Р, которое в момент речи т либо не исполняется, либо исполняется, Говорящий (=Прескриптор) сообщает Слушающему (=Получателю прескрипции), кто (не) должен быть Агеном действия Р (=Исполнителем прескрипции), и пытается каузировать (не)исполнение действия Р самим фактом этого сообщения'» [Бирюлин, Храковский 1992 : 7]. При построении исчисления императивных форм мы исходили из того, что каждая императивная форма, входящая в исчисление, включает компоненты двух видов: постоянные, присущие всем формам парадигмы и специфичные именно для императивной парадигмы, и переменные, присущие каждой отдельной форме в парадигме и противопоставляющие эту форму всем другим формам в парадигме. К постоянным компонентам семантической структуры императивных форм относятся: 1) номинативное значение каузируемого действия; 2) грамматическое значение 1-го л. ед. числа, т.е. значение Говорящего (=Прескриптора); 3) грамматическое значение повеления, которое толкуется как 'каузация желания Говорящего (=Прескриптора)'. Переменными компонентами являются: 1) грамматические значения лица и числа Агенса каузируемого действия (=Исполнителя; прескрипции); 2) грамматическое значение числа Слушающего (=Получателя прескрипции). Таким образом, идеальное универсальное исчисление императивных форм принимает следующий вид: 'Я говорю, что я хочу, чтобы действие Р выполнил(и): 1) я, 2) ты, 3) вы, 4) он, 5) они, 6) я + ты, 7) я + вы, 8) я + он, 9) я + они, 10) ты + он, 11) ты + они, 12) вы + он, 13) вы + они, 14) я + ты + он, 15) я + вы + он, 16) я + ты + они, 17) я + вы + они...' Итак универсальное исчисление включает 17 императивных форм, которое в силу ряда причин редуцируется до "реальных" парадигм. В реальные парадигмы входит различное число форм, а максимальная из реальных парадигм обычно включает 7 форм. К словоформам, входящим в реальные императивные парадигмы, должны предъявляться всего два формальных требования: а) эти формы должны регулярно образовываться теми лексемами, которые по своей семантике допускают образование словоформ с повелительным значением, б) эти формы должны опознаваться в предложении как формы, имеющие повелительное значение. Что касается формальных примет императивных словоформ, то они могут быть любые (специальный показатель, прилагательная частица, ударение, порядок слов, актантное окружение, интонация высказывания и т.п.) и могут выступать в повелительных предложениях как порознь, так и в различных комбинациях друг с другом. Важно подчеркнуть, что морфологический облик словоформы не может служить критерием включения/невключения ее в парадигму. Тем самым мы солидаризируемся со следующим утверждением М.В. Панова: "Члены парадигмы могут быть предельно не похожи друг на друга или, напротив, сохранять предельное сходство. Это не существенно для парадигмы" [Панов 1980 : 135].

Важно подчеркнуть, что при описании императивных форм в конкретных языках универсальная императивная парадигма, как и любая другая универсальная парадигма, может расширяться, поскольку в отдельных языках глагол может иметь такие грамматические категории, которые увеличивают количество императивных форм, при том, что эти категории иррелевантны для построения универсального исчисления. Характерный пример — категория вида в русском и других славянских языках,

которая представлена оппозицией форм совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) видов. Соответственно императивные формы ед. и мн. числа в русском языке представлены видовыми парами: *спой* (СВ) / *пой* (НСВ), *спойте* (СВ) / *пойте* (НСВ) (более подробно об этом см. [Храковский, Володин 1986]).

Ознакомившись очень кратко с исчислением императивных словоформ, которое строится довольно просто, перейдем к рассмотрению более сложного исчисления, уделяя особое внимание самому процессу его построения.

Чтобы наглядно представить процесс построения исчисляющей классификации, рассмотрим этот процесс на примере исчисления моделей условных конструкций (УК). Будем считать, что во всех проанализированных конкретных языках мы умеем выделять УК. При этом мы не пытаемся дать семантическое определение УК, поскольку вслед за А. Вежбицкой относим условный концепт к неопределяемым семантическим примитивам, которые в принципе нельзя определять с помощью более сложных концептов типа "гипотетический", "вывод", "возможные миры", как это обычно делается в работах, посвященных УК. Интуитивное умение выделять УК позволяет, в частности, в русском языке характеризовать как условные следующие конструкции:

- (1) *Если Петров получил вчера деньги, он купил жене подарок,*
- (2) *Если бы Петров получил вчера деньги, он бы купил жене подарок,*
- (3) *Если Петров уже вернулся, то в настоящий момент он пишет статью,*
- (4) *Если бы Петров уже вернулся, то в настоящий момент он бы писал статью,*
- (5) *Если Петров вчера вернулся, я позвоню ему завтра,*
- (6) *Если бы Петров вчера вернулся, я бы позвонил ему завтра,*
- (7) *Если Петрову сейчас никто не мешает, он пишет статью,*
- (8) *Если бы Петрову сейчас никто не мешал, он бы писал статью,*
- (9) *Если Петров сейчас принимает экзамен, он освободится только через час,*
- (10) *Если бы Петров сейчас принимал экзамен, он бы освободился только через час,*
- (11) *Если Петров получит завтра деньги, он купит жене подарок,*
- (12) *Если бы Петров получил завтра деньги, он бы купил жене подарок,*
- (13) *Взяв пеишку, белые получали (бы) выигрышную позицию,*
- (14) *Приди поезд без опоздания, мы успеем на первое заседание,*
- (15) *В случае опасности вы можете уехать из города,*
- (16) *Если ты хоть немного отдохнешь, будет просто замечательно,*
- (17) *Дайте мне точку опоры и я переверну земной шар.*

Приведенные условные предложения формально неоднородны. Если придерживаться традиционной классификации, то среди них есть сложноподчиненные предложения (1—12, 16), предложения, осложненные деепричастным оборотом (13), простые предложения (15), сложносочиненные предложения (17), а также предложения, чей формальный статус вызывает дискуссию (14). В соответствии со стандартной точкой зрения, представленной, например, в "Русской грамматике" [РГ-80, II : 635], примеры типа (14) представляют собой бессоюзное сложноподчиненное предложение, в обуславливающей части которого выступает синтаксическое (?) условное наклонение, а в обусловленной части стандартное сослагательное или изъявительное наклонение. С нашей точки зрения, "императивная", или "квазимперативная" форма, употребляющаяся в зависимой части рассматриваемой УК и по функции, и по своим смысловым и формальным особенностям является уже нефинитной формой, весьма похожей на деепричастие, и тем самым вся УК в целом представляет собой предложение, осложненное деепричастным оборотом. Более подробное обоснование этой точки зрения см. в работах [Храковский 1994б, 1995]. Какое бы решение этого вопроса не было бы признано правильным, следует подчеркнуть, что при построении исчисляющей классификации мы абстрагируемся от указанных формальных различий как в русском, так и в других анализированных языках. Формальные различия начинают играть решающую роль при типологической характеристике конкретных языков.

Для универсальной исчисляющей классификации предлагаются три диагностических семантических признака, или три параметра [Храковский 1993].

В прототипических УК и условие (р), выражаемое в зависимой части, и следствие (q), выражаемое в главной части, рассматриваются говорящим по отношению к миру не как действительные, а как возможные или невозможные. Указанная смысловая особенность составляет универсальный диагностический признак УК, или первый параметр, который соответственно принимает два значения: 1) в УК выражается реальная, т.е. выполнимая возможность, 2) в УК выражается нереальная, т.е. невыполнимая возможность. Иллюстрировать эти значения можно с помощью примеров (11) и (2):

(11) *Если Петров получит завтра деньги, он купит жене подарок* (выполнимая возможность),

(2) *Если бы Петров получил вчера деньги, он бы купил жене подарок* (невыполнимая возможность).

Легко понять, что первый классификационный параметр и два его значения отражают традиционное деление условных предложений на выражающие потенциальное и нереальное условие.

Второй параметр — таксисная зависимость между условием (р) и следствием (q). Этот параметр в принципе релевантен для всех бипредикативных конструкций, а не только для УК и принимает три значения: 1) р раньше q, 2) р позже q¹, 3) р одновременно с q. Противопоставление первого и третьего значений этого параметра представлено в следующих примерах:

(11) *Если Петров получит завтра деньги, он купит жене подарок,*

(18) *Если Петров будет завтра петь, я буду завтра танцевать.*

В традиционных описаниях УК данному параметру практически не уделялось должного внимания, хотя в конкретных языках модели, реализующие разные значения этого параметра, нередко формально отличаются друг от друга. Так в приведенных примерах (11) и (18) эти отличия сводятся к употреблению разных видовых форм глаголов.

Третий параметр — временная отнесенность условия и следствия. Как известно, любое локализованное во времени положение вещей может быть отнесено либо к будущему, либо к настоящему, либо к прошедшему. Соответственно данный параметр, который релевантен для всех бипредикативных конструкций, принимает девять значений:

1) q в будущем, р в будущем, ср.

(11) *Если Петров получит завтра деньги, он купит жене подарок,*

(12) *Если бы Петров получил завтра деньги, он бы купил жене подарок,*

2) q в будущем, р в настоящем, ср.

(9) *Если Петров сейчас принимает экзамен, он освободится только через час,*

(10) *Если бы Петров сейчас принимал экзамен, он бы освободился только через час,*

3) q в будущем, р в прошедшем, ср.

(5) *Если Петров вчера вернулся, я позвоню ему завтра,*

(6) *Если бы Петров вчера вернулся, я бы позвонил ему завтра,*

4) q в настоящем, р в будущем, ср.

(18) *Если волк съест морковку, значит, он сейчас голоден.*

(19) *Если бы волк съел морковку, это бы значило, что он сейчас голоден,*

¹ В соответствии с существующими представлениями условие не может осуществляться после следствия. На первый взгляд этим представлениям противоречат примеры типа *Если Петров позвонит завтра, то значит, они вчера встретились с Ивановым*, в которых следствие как-будто предшествует условию. Однако в подобных примерах имеет место акт логического вывода, который осуществляется говорящим на базе условия, предшествующего акту логического вывода, который и является следствием в подобных предложениях. Другое дело, что содержание акта логического вывода может относиться к прошлому, в результате чего создается иллюзия того, что в примерах подобного типа следствие предшествует условию.

- 5) *q* в настоящем, *p* в настоящем, *sr*.
 (7) *Если Петрову сейчас никто не мешает, он пишет диссертацию,*
 (8) *Если бы Петрову сейчас никто не мешал, он бы писал диссертацию,*
 6) *q* в настоящем, *p* в прошедшем, *sr*.
 (3) *Если Петров уже вернулся, то в настоящий момент он пишет статью,*
 (4) *Если бы Петров уже вернулся, то в настоящий момент он бы писал статью,*
 7) *q* в прошедшем, *p* в будущем, *sr*.
 (20) *Если Петров позвонит завтра, то значит, они вчера встретились с Ивановым,*
 (21) *Если бы Петров позвонил завтра, то это значило бы, что они вчера встретились с Ивановым,*
 8) *q* в прошедшем, *p* в настоящем, *sr*.
 (22) *Если Петров пишет сейчас контрольную, то значит, он вчера не пришел на экзамен,*
 (23) *Если бы Петров писал вчера контрольную, то это значило бы, что он вчера не пришел на экзамен,*

9) *q* в прошедшем, *p* в прошедшем, *sr*.
 (1) *Если Петров получил вчера деньги, он купил жене подарок,*
 (2) *Если бы Петров получил вчера деньги, он бы купил жене подарок.*

Третьему классификационному параметру в традиционных описаниях УК уделялось недостаточно внимания. Во всяком случае я не знаю такой работы, где бы последовательно обсуждались все значения этого параметра.

Исчисляющая классификация, построенная на базе этих трех параметров, включает 54 модели УК. Как нетрудно догадаться, это число представляет собой результат перемножения значений каждого из классификационных параметров: $2 \times 3 \times 9 = 54$. Однако из логически допустимых 54 моделей реально функционирует только 26. Тем самым количество действующих моделей относительно невелико и каждой модели соответствует достаточно широкий класс конкретных употреблений УК. Предложенное исчисление фиксируется в следующей таблице.

Таблица

Исчисление условных конструкций

NN Классификационные параметры				Примеры
	I	II	III	
1.	1	1	1	<i>Если Петров получит завтра деньги, он купит жене подарок.</i>
2.	2	1	1	<i>Если бы Петров получил завтра деньги, он бы купил жене подарок.</i>
3.	1	2	1	<i>Если Петров позвонит через час, то значит, он к тому времени напишет статью.</i>
4.	2	2	1	<i>Если бы Петров позвонил через час, то это значило бы, что он к тому времени напишет статью.</i>
5.	1	3	1	<i>Если Петров будет завтра петь, я буду завтра танцевать.</i>
6.	2	3	1	<i>Если бы Петров завтра пел, то я бы завтра танцевал.</i>
7.	1	1	2	<i>Если Петров сейчас принимает экзамен, он освободится только через час.</i>
8.	2	1	2	<i>Если бы Петров сейчас принимал экзамен, он бы освободился только через час.</i>
9.	1	2	2	—
10.	2	2	2	—
11.	1	3	2	—
12.	2	3	2	—

NN Классификационные параметры				Примеры
	I	II	III	
13.	1	1	3	<i>Если Петров вчера вернулся, я позвоню ему завтра.</i>
14.	2	1	3	<i>Если бы Петров вчера вернулся, я бы позвонил ему завтра.</i>
15.	1	2	3	—
16.	2	2	3	—
17.	1	3	3	—
18.	2	3	3	—
19.	1	1	4	—
20.	2	1	4	—
21.	1	2	4	<i>Если волк съест морковку, значит он сейчас голоден.</i>
22.	2	2	4	<i>Если бы волк съел морковку, это значило бы, что он сейчас голоден.</i>
23.	1	3	4	—
24.	2	3	4	—
25.	1	1	5	—
26.	2	1	5	—
27.	1	2	5	—
28.	2	2	5	—
29.	1	3	5	<i>Если Петрову сейчас никто не мешает, он пишет диссертацию.</i>
30.	2	3	5	<i>Если бы Петрову сейчас никто не мешал, он бы писал диссертацию.</i>
31.	1	1	6	<i>Если Петров вернулся, то сейчас он обедает.</i>
32.	2	1	6	<i>Если бы Петров вернулся, то сейчас он бы обедал.</i>
33.	1	2	6	—
34.	2	2	6	—
35.	1	3	6	—
36.	2	3	6	—
37.	1	1	7	—
38.	2	1	7	—
39.	1	2	7	<i>Если Петров позвонит завтра, то значит, они вчера встретились с Ивановым.</i>
40.	2	2	7	<i>Если бы Петров позвонил завтра, то это значило бы, что они встретились вчера с Ивановым.</i>
41.	1	3	7	—
42.	2	3	7	—
43.	1	1	8	—
44.	2	1	8	—
45.	1	2	8	<i>Если Петров сейчас пишет контрольную, то значит, он вчера не пришел на экзамен.</i>
46.	2	2	8	<i>Если бы Петров сейчас писал контрольную, то это значило бы, что он вчера не пришел на экзамен.</i>
47.	1	3	8	—
48.	2	3	8	—

NN Классификационные параметры				Примеры
	I	II	III	
49.	1	1	9	<i>Если Петров получил вчера деньги, он купил жене подарок.</i>
50.	2	1	9	<i>Если бы Петров получил вчера деньги, он бы купил жене подарок.</i>
51.	1	2	9	<i>Если волк вчера съел морковку, то значит, он сильно проголодался.</i>
52.	2	2	9	<i>Если бы волк вчера съел морковку, то это значило бы, что он сильно проголодался.</i>
53.	1	3	9	<i>Если дети спали, то значит, воспитатель был в спальне.</i>
54.	2	3	9	<i>Если бы дети спали, то это значило бы, что воспитатель был в спальне.</i>

После того как исчисляющая классификация построена и установлено число моделей, которые могут и не могут реализоваться в конкретных языках, завершается универсальный этап исследования и начинается собственно типологический этап, на котором решаются следующие задачи: во-первых, устанавливается, как действующие модели распределяются по языкам, включенным в выборку, и выдвигаются гипотезы относительно причин, препятствующих употреблению тех или иных моделей в конкретных языках, во-вторых, определяется распределение в текстах разных моделей УК и выявляются прагматические предпочтения и ограничения, которые неодинаковы для различных моделей. Наконец, устанавливаются формально-синтаксические особенности реализации конкретных моделей, которые могут заметным образом повторяться в различных языках. Основное внимание здесь уделяется средствам связи между обеими частями УК и глагольным формам, употребляющимся в зависимой и главной частях УК. Выявленные здесь закономерности очень интересны, однако они составляют уже тему другой работы.

Предваряя эту работу, мы хотим уже сейчас обратить внимание читателя на следующее обстоятельство. Если с системной точки зрения все реализуемые модели исчисления логически равноправны, то при функционировании в речи картина заметным образом меняется. В этом плане можно говорить о прагматических предпочтениях и ограничениях, которые неодинаковы для разных моделей. Отметим, в частности, что большинство реальных текстовых примеров в самых различных языках приходится всего на долю двух моделей. Первая из них — это модель № 1. В этой модели выражается реальное условие (первое значение первого параметра), условие предшествует следствию (первое значение второго параметра), и условие и следствие отнесены к будущему (первое значение третьего параметра). Решающим фактором, определяющим высокую частотность этой модели, с нашей точки зрения, служит то обстоятельство, что в ней и условие и следствие отнесены к будущему времени, а будущее время является наиболее благоприятной средой для осуществления реальной возможности.

Следующая модель — это модель № 50. В этой модели выражается нереальное условие (второе значение первого параметра), условие предшествует следствию (первое значение второго параметра), и условие и следствие отнесены к прошедшему (девятое значение третьего параметра). Частотность этой модели связана с тем, что в ней и условие и следствие отнесены к прошедшему времени, а прошлое является наиболее благоприятной средой для нереальных возможностей, поскольку нереальные возможности в большой мере представляют собой те сценарии, которые в принципе могли бы осуществиться, но в силу тех или иных причин остались нереализованными.

Важная особенность нереальных возможностей, выражаемых в УК этой модели, состоит в том, что они абсолютно точно указывают на реально осуществившиеся возможности, т.е. на фактическое положение вещей. Иначе говоря, в предложении *Если бы Петров получил вчера деньги, он бы купил жене подарок*, во-первых, гово-

рится о том, что получение денег является неосуществившейся возможностью, вторых, — о том, что *неполучение денег* представляет собой фактическое положение вещей. Соответственно УК этой модели по праву можно называть контрфактическими.

Грань между реальными и нереальными возможностями, столь резко очерченная в прошедшем, может нейтрализоваться в будущем, в силу чего УК, отнесенные к будущему и выражающие реальную и нереальную возможность, могут быть квазисинонимичными. Сравним в этой связи следующие предложения, относимые к моделям 1 и 2: *Если вы купите мне завтра дачу, я выйду за вас замуж* и *Если бы вы купили мне завтра дачу, я бы вышла за вас замуж*. Суть семантических различий между этими двумя предложениями, если их можно усмотреть, сводится к большей или меньшей степени вероятности осуществления высказываемой возможности. Стирание граней между реальной и нереальной возможностью в плане будущего может приводить к тому, что подобные предложения иногда отличаются друг от друга только степенью вежливости. Ср.: *Если вы придете к нам в среду, мы будем очень рады* и *Если бы вы пришли к нам в среду, мы были бы очень рады*. Сказанное позволяет предположить, что реальные УК, в которых условие и следствие локализованы в будущем, составляют центр поля реальных УК, а нереальные УК, в которых условие и следствие локализованы в прошлом, составляют центр поля нереальных УК. Остальные УК относятся к периферийным, причем в языке могут отсутствовать модели периферийных УК. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что прошедшее время представляет собой естественную позицию контраста семантики реального и нереального условия, а будущее время напротив представляет собой естественную позицию для нейтрализации семантических различий между этими двумя условными значениями [Храковский 1994в].

Основной вывод из изложенного сводится к следующему. Исчисляющие классификации, которые начали использоваться в типологии во второй половине XX столетия, уже оказали и продолжают оказывать мощное влияние на развитие языкознания, поскольку обладают большой объяснительной и предсказательной силой. Вместе с тем необходимо отметить, что вопрос о пределах возможности использования исчислений остается пока открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист Э. 1965 — Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965.
- Бирюлин Л.А., Храковский В.С. 1991 — Русская императивная парадигма с эволюционной и типологической точек зрения // Семантические и прагматические аспекты высказывания. Новосибирск, 1991.
- Бирюлин Л.А., Храковский В.С. 1992 — Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Гринберг Дж. 1970 — Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. V. 1970.
- Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С. 1982 — Л.В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог. Л., 1982.
- Кибрик А.Е. 1992 — Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Лурья А.Р. 1947 — Травматическая афазия. М., 1947.
- Панов М.В. 1980 — О парадигматике и синтагматике // ИАН СЛЯ. 1980. № 2.
- Плунгян В.А., Рахилина Е.В. 1990 — Сирконстанты в толковании? // Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990.
- РГ-80 — Русская грамматика. Т. I—II. М., 1980.
- Холодович А.А. 1979 — К вопросу о доминанте предложения // Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Храковский В.С. 1985 — Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
- Храковский В.С. 1993 — Условные конструкции (проблемы типологического анализа) // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993.
- Храковский В.С. 1994а — Роль теории в грамматическом описании // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1994. № 6.

- Храковский В.С.* 1994б — Альтернативные решения в языкознании (проблема выбора) // *Proceedings of the Tallinn university of social and educational sciences. A2. Humaniora. Contrastive linguistics.* Tallinn, 1994.
- Храковский В.С.* 1994в — Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений // *ВЯ.* 1994. № 6.
- Храковский В.С.* 1995 — Сколько деепричастий в русском языке? // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова. Тезисы докладов. М., 1995.
- Храковский В.С., Володин А.П.* 1986 — Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.
- Храковский В.С., Оглоблин А.К.* 1991 — Группа типологического изучения языков ЛО Института языкознания АН СССР: теоретическая программа, исследовательские принципы, рабочие приемы // *ВЯ.* 1991. № 4.
- Khrakovsky V., Ogloblin A.* 1993 — The Kholodovich school of linguistic typology: 1961—1991 // *The Petersburg journal of cultural studies.* V. 1. 1992. № 2, 3.
- Nedjalkov V.P., Litvinov V.P.* 1995 — The St. Petersburg / Leningrad typology group // *Approaches to language typology.* Oxford, 1995.
- Wierzbicka A.* 1981 — *The semantics of natural language.* Sydney, 1981.